

Данил

Макеев

РАССКАЗЫ

СТЫД

Каждому из нас бесконечно дорога родина. Даже зверье всегда держится за свою обжитую территорию, а перелетные птицы неизменно возвращаются к местам своего гнездования. После нескольких лет отсутствия вчера я вступил на землю, где прошло мое беззаботное детство, и грудь наполнилась каким-то непередаваемым ощущением счастья. Безмятежно выславшись, вышел побродить по опушке близлежащего леса с надеждой отведать самого первого дара летнего изобилия – спелой, душистой земляники.

Лето перевалило за половину своего срока, подходила пора созревания ягод. Мои поиски увенчались находкой лишь нескольких ягод земляники, но возвращался я вполне довольный. Вдруг, порушив мое благостное настроение, из-под некогда упавшего дерева, дерзко подняв свой хвост, с писком выскочил полосатый бурундук. Я, и сам не осознавая, вмиг схватил подвернувшийся сук и пустился преследовать зверька как в те, детские годы. Бурундук, как бы дразня, попискивая на бегу, нырнул под огромный пенёк. В последний момент я все же успел кинуть свой сук, да разве попадешь?

Проходя мимо пня, под мощным корневищем я заметил отверстие норы. Когда-то на этом самом месте настороженный нами капкан попались два бурундука. Да, точно на этом месте. А вот и едва-едва улавливаемый след раскопки моей собаки Уряника.

Тогда мы, как и я сегодня, погнались за бурундуком, и он также спасся под этим пнем. Собака, в пылу преследования, начала рвать когтями и пастью землю, но достигнув неподдающихся корней, осознала тщетность попытки и, облизываясь, улеглась неподалеку. А мы с величайшей осторожностью установили капкан у отверстия норы и прикрыли куском коры. Как-то позабыв в черед своих сует про капкан, мы через несколько дней все же удосужились его проверить. А нас там ожидала удручающая картина. Бурундук, вернее, самочка, была намертво схвачена капканом за середину туловища. А на ней, свернувшись калачиком, лежало тельце размером с большой палец. Никто из нас не выразил восторга по поводу трофеев. Мы осторожно передавали детеныша из ладошек в ладоши, стараясь оживить его своим теплом, но он медленно угас на наших глазах.

Ощущая гнетущий стыд, мы завернули мать и детеныша в мой старый ситцевый платок и похоронили под могучим деревом. Домой возвратились рано и без

обычного веселья. В тот день в наших детских умах зародилось осознание, что каждая живая тварь имеет маму, ребенка, и им, как и людям, присущи боль утраты, переживание. Лично я воспринял этот момент как большой грех. Действительно, хоть и бурундук, истреблять его тяжкий грех.

Вся эта картина отчетливо проявилась в памяти, и мне стало невыразимо стыдно, оттого что я как мальчишка поддался порыву и погнался за бурундуком.

СПОР УМА И СЕРДЦА

Под аккомпанемент журчащих ручьев на бесчисленных озерах, аласах, бескрайних просторах тайги и тундры Якутии наступила долгожданная весенняя пора, ворвалась возбужденными, торжествующими криками перелетных птиц. Воздух наполнился изумительными запахами природы, просыпающейся после длительной зимней спячки. Всепоглощающая, бурная, солнечная весна набирает силу.

Какой же мужчина усидит в такую пору дома! Все они уже давным-давно разошлись по заветным местам весенней охоты. Даже мы, учителя, ежедневно дающие уроки, нетерпеливо сооружаем засадку в местности Туруйалах, что находится на расстоянии слышимости кукареканья петухов, лая собак и всех прочих звуков поселка. Ну, а смачный чих старика Николая, который живет на окраине поселка, слышен, как будто он находится всего в нескольких шагах от нас.

Мой компаньон – учитель истории, Михаил Николаевич Алексеев. Хоть и работает он в нашей школе только с прошлого года, мы очень быстро нашли общий язык и стали своими людьми. Алексеевы переехали из другого улуса. Жена Наталья Егоровна устроилась на работу в школьную библиотеку, их старший сын учится в руководимом мной седьмом «А» классе, а дочурка только пошла в школу. Мы с Михаилом Николаевичем много беседуем на разные темы, дискутируем, иногда спорим. Часто он, как человек старше меня почти на десять лет, приводит более взвешенные и аргументированные доводы, почти неизменно выходит победителем. Вот и сейчас под его руководством сооружаем нашу бесхитростную маскировку. Сначала из различных палок, подручных средств поставили каркас будущей засидки, по-нашему «дурда». Накрыли старым, высветлившимся брезентом и стали собирать пожухлую траву, чтобы засидка полностью слилась с окружающим ландшафтом. И тут столкнулись с серьезной проблемой. Дело в том, что эта местность является территорией для выпаса скота, и выражение «Как корова языком слизнула» здесь весьма имеет буквальный смысл.

Пришлось идти поближе к озеру, где трава реже, но выбора уже не было, и мы чуть ли не с остервенением начали рвать руками и срезать ножом пучки травы. Через некоторое время нам удалось собрать две изрядные копны и, утрамбовав их в мешок, отнести к своему сооружению. Равномерно распределив травку на натянутый брезент, мы, как паутинку, тщательно заплели, прикрепили ее специально захваченными из дому обычными нитками, чтобы ветер вмиг не обнажил нашу маскировку.

К тому времени весеннее небо начало смеркаться. Торопливо установив десятка два чучел уток, мы заняли свои места в засадке. Устроившись поудобнее,

решили перекусить и начали вытаскивать из рюкзаков припасы. В руке Михаила Николаевича появилась бутылка:

– К спиртному я не тяготею, но ритуал всегда соблюдаю.

– А я не захватил, потому что решил, что ты не пьешь.

– Я же не закодированный, чтобы совсем не пить. Можно пить в меру. Тем более, в этой местности я вообще впервые и обязан задобрить местных духов. Надо бы костерок разжечь... Хотя, уже темнеет...

– И правда. Давай разожжем костер, заодно и поужинаем.

– Ну, тогда выйдем.

Я быстренько направился к растущей неподалеку иве и отломил сухие сучья. Компаньон, умело сложив их, чиркнул спичкой. Скоро заплясали красные язычки пламени, я на всякий случай выгацил из засидки ружья. Еду разложили на газетах. Михаил Николаевич, налив в кружку водки, склонился над огнем, и, шепча благословение, угостил местных духов. Обернулся ко мне:

– Ну-ка, дружок, теперь ты, как учитель якутского языка, обратись к Духу охоты с соблюдением всего ритуала, – и, налив в кружку водки, протянул мне.

Я, щедро намазав хлеб маслом, вскормил огонь и торжественно произнес следующие слова алгыса:

Красной лисой отороченный,
Черным соболем опоясанный
С причудливо узорной плетью
Иногда суровый, иногда игривый
Дух охоты дедушка Байанай,
Выслушай, вними и внемли!
Смотри же и следы, вот мы, тебя
Приветствуя ярким костром,
Дары свои скромные преподносим!
То, что отложил для нас, не передумай,
То, что назначил нам, не отменяй,
Посмотри на нас благосклонно,
Да одари быстrokрылой дичью,
Не хмурься же, радуйся и ликуй!

От содержимого кружки огонь возбужденно озарился синим пламенем, сильнее затрещали горящие сучья.

– Хороший алгыс! Дедушка, похоже, обрадовался! – возбужденно воскликнул Михаил Николаевич.

Мы не спеша поужинали и заняли места в засидке. Стало холодать. Успокоились и беспрестанно снующие и кричащие чибисы. Установилась тишина. Хотя какая тишина? Просыпающаяся природа и ночью не знала покоя. Умиротворенные, мы молча сидели в темноте, погружившись в себя. Вдруг севернее от нас послышались торопливые выстрелы. Чуть погодя прозвучали еще три-четыре выстрела уже с некоторыми паузами.

– Стреляют у Могилы Девушки. Наверняка, Киприян со своей командой, – хорошо знающий округу, высказал свое предположение Михаил Николаевич.

– Похоже, им подфартило. Какую канонаду устроили.

Мы опять помолчали.

– Что за странное название местности – Могила Девушки? Ты знаешь, почему она так называется? – задумчиво спросил мой компаньон.

Темноту озарила вспышка от спички, он прикурил папиросу.

– Рассказывают, в старину жила здесь девушка невероятной красоты. Родители хотели насильно выдать ее за богатого старика, но она предпочла этому смерть и утопилась в глубоком омуте того алааса. Отец выкопал для нее могилу в густом подлеске и похоронил лицом вниз, а парень, которого девушка любила с детства, тоже пропал той осенью, как будто в воду канул. Уже стариком он вернулся на тот алаас и прожил там до смерти, построив маленький балаган. С тех давних пор алаас и называется Могилей Девушки.

Не знаю, заинтересовал ли Михаила Николаевича мой рассказ, в темноте лишь вспыхивал огонек его папироски. Потом, глубоко вздохнув, сказал:

– А ведь любовь приносит не только радость и счастье, иногда это разрушающее чувство страдания, тоски на всю жизнь...

Я промолчал, ожидая его дальнейших слов.

– Дружище, а почему ты до сих пор не женат? Или нет ни одной девушки на примете? – Михаил Николаевич, щелкнув, отправил потухшую папироску в полет и повернулся ко мне.

Такой вопрос мне задают многие. Многие спрашивают в шутовском тоне. Но в голосе Михаила Николаевича не было и намек на шутку. Поэтому я, немного поколебавшись, ответил:

– Почему нет-то... Есть... Была. Но судьба распорядилась иначе и повела нас разными дорогами. Она сейчас мать семьи. А я до сих пор не нашел подходящую девушку, – и стал шарить в кармане в поисках сигареты.

– А любил только ты, или она отвечала взаимностью? – похоже, собеседник был настроен до конца узнать мою историю.

– Сначала отношения были хорошие. Однокурсники даже спрашивали про дату свадьбы. Потом... 8 марта к ее подругам, живущим в одной комнате, пришли какие-то парни. Я собирался пойти в фойе на танцы, зашел за ней, а там праздник в разгаре. Моя подруга сидела в глубине и не смогла выйти из-за стола. В тот вечер она вообще избегала меня, потом узнал, оказалось, что она немного выпила и стеснялась подходить из-за запаха алкоголя. А я отправил подаренную ею фотографию обратно. Так и разошлись.

– Да... Вот какая любовь. К ней нужно относиться очень бережно, нежно. Я тоже очень любил одну девушку. Рита звали. Не уберег... – Михаил Николаевич на некоторое время умолк. – Ударился в пьянство, чуть не потерял человеческий облик... Если бы не встретил Наталью... Я перед ней в неоплаченном долгу. Но жизнь суровая штука, ради детей, ради Натальи, я, как бы убегая от самого себя, отошел от родных мест и сижу здесь, – он со вздохом снова прикурил папиросу.

Потом налил себе немного из бутылки и выпил.

– Мне очень нелегко, муторно в душе. Может полегчает, если расскажу. Я был пропадающим человеком, когда встретил Наталью. Больше десяти лет жили, души друг другу не чаяли. А в позапрошлом году в нашу школу пришла новая учительница. Она поразила меня удивительным сходством с Ритой. С того дня я на работу шел как на праздник. По выходным, во время школьных каникул бесконечно скучал по ней, хотелось ее как можно быстрее увидеть. Мария Васильевна

и сама прекрасный человек. Как поется в песне, ее невозможно не любить. На следующий год мы, учителя, отмечали Новый год. В тот вечер я славно потанцевал с ней, когда расходились, вызвался ее проводить. Был облачный, мягкий вечер. Мы медленно шли рука об руку. Мне показалось, что вернулась молодость, я буквально ошалел от счастья. Дошли до ее дома, но почему-то, не останавливаясь, пошли дальше. Так, чуть ли не обогнув село, повернули обратно. Я даже толком не помню, о чем мы разговаривали. Похоже, я ей рассказал о том, как она похожа на Риту, мою первую любовь. Перед прощанием, окрыленный таким вечером, обнял ее и долго целовал. Она не сопротивлялась.

С тех пор я начал жить и грезить только ею. Даже в школе, во время уроков, я оставлял своих учеников и подходил к ее классу, тайком подсматривал на нее через чуть приоткрытую дверь. Оказывается, Мария Васильевна об этом догадывалась. Как-то мы оказались наедине в учительской, и она сказала, что ей стало известно, что лишь благодаря Наталье Егоровне я встал на истинный путь. «Если бы мы встретились раньше, все было бы по-другому, но сейчас это невозможно. Ты хороший человек. Поэтому надеюсь, что ты никогда не предашь жену, детей. Будь благоразумным, не поддавайся порыву», – сказала она.

А у меня уже не было сил остановиться и отречься от нее. Я все честно рассказал жене и уговорил переехать сюда. Думал, со временем все забудется, но, как говорится, «от себя не убежишь». Наверное, именно про такой случай говорят «спор ума и сердца». Умом я понимаю, что мы уже никогда не сможем быть вместе, а сердце это не принимает, – почти шепотом завершил свой рассказ мой собеседник.

Мы долго сидели молча. На востоке потихоньку заалела заря. Вдруг над нами послышался свист крыльев. Вмиг сбросив оцепенение, мы насторожились. Следом за характерным для селезня шилохвоста чурьканьем послышался всплеск воды. С величайшей осторожностью выглянули наружу и заметили шесть уток, приводнившихся рядом с чучелами.

– Стреляем по моей команде. Ты бери на прицел уток своего края, – едва слышно прошептал Михаил Николаевич.

Тем временем две птицы вплотную приблизились друг к другу, третья была на подходе. Резко звучит команда: «Чэ!», и наши ружья раз за разом торжествующе изрыгают свинцовые заряды. Двух уцелевших уток мы поочередно сбили уже на взлете.

– Ну вот, твой алгыс услышан, – обрадованно изрек компаньон.

И я с удовольствием заметил, как с его глаз на миг исчезла печать грусти, бесконечной тоски. Мы улыбнулись друг другу.

БАБУШКИНА СЕРЬГА

Дверь распахнулась настежь, двое мужчин, бережно поддерживая с обеих сторон, вывели на крыльцо молодого человека, который сразу зажмурился от яркого весеннего солнца, затем как-то удивленно посмотрел по сторонам. Больно ударивший по глазам свет солнца, весенний воздух вмиг вскружили ему голову, и он невольно крепче ухватился за поддерживающих его людей. Сопровождающие, выждав, когда ему станет лучше, с большой осторожностью посадили его в

машину, стоящую вплотную к крыльцу. Машина тронулась и, съезжая с бетонного тротуара, немножко накренилась. Молодой человек испуганно схватился за спинку переднего сиденья. По дороге он пристально вглядывался в проплывающие дома, деревья, людей, как бы сиюминутно пытаясь что-нибудь вспомнить, но глаза остались безучастными. В его поведении угадывалась лишь настороженность, которая появляется у людей в совершенно незнакомой и чуждой им обстановке.

Скоро парня ввели в уютный, любовно обставленный дом, но и здесь его настороженность не прошла.

– Дитя мое, ты не узнал меня? Ты же домой пришел. Почему молчишь? – глаза молодого человека остановились на целующей его женщине, но так и остались безучастными.

Тут враз заговорили все присутствующие, каждый, спрашивая о чем-то своем, и тогда его взгляд стал совсем отстраненным.

– Он устал. Нужно уложить спать, – сказавший эту фразу парень стал осторожно разувать странного молодого человека. Его уложили в постель и потихоньку вышли, прикрыв за собой дверь.

– Ничего не помнит. Даже свое имя, – у плачущей измученной матери тряслись плечи.

– Мама, не горюй так сильно. Береги себя. Нам ведь тоже очень тяжело, – всплакнула девушка.

Мать и дочка, обнявшись, беззвучно зарыдали. Все присутствующие горестно молчали.

– Врачи надеются, что постепенно память к нему вернется. Говорили, чтобы ему постоянно рассказывали, напоминали о прошлом, – прогудел мужчина с проседью на висках. – Майя, вы не убивайтесь так сильно, слезами тут не поможешь.

Присутствующие оживились.

– И вправду. Давайте лучше подумаем, посоветуемся, как нам быть. Нюргун с детства был смышленным, любознательным, что за напасть, он должен вспомнить прошлое, – поддержала его пожилая женщина, сидящая у окна.

– Вот это правильно. Я думаю, что каждый из нас, как может и умеет, должен поддержать Нюргуна, разговаривать с ним, пытаться пробудить у него воспоминания, показывать фотографии, видеозаписи, – прогудел тот же мужчина.

Все согласились и начали распределять роли. Через некоторое время, когда присутствующие начали расходиться, Майя снова не выдержала:

– Как можно избить на улице ни в чем не повинного человека до такого состояния? – и слезы вновь навернулись на ее глазах.

С тех пор прошло больше месяца, но Нюргун так и не произнес ни одного слова. По дому ходил, сам кушал, одевался, но все время молчал, не отзывался, когда его звали по имени. Родственники, друзья старались его разговорить, но все было тщетно. Бедная мать совсем извелась. Она хоть и старалась держаться изо всех сил, но смотреть на такое состояние единственного сына было выше ее сил. Какое еще состояние может быть у матери, ребенка которой избил так, что он начисто позабыл свое прошлое и лишился дара речи?!

У отца тоже постепенно иссякала надежда, его больше всего раздражало и злило то, что хулиганы, сынки высоких должностных лиц, не были привлечены к уголовной ответственности. Ночами он часто лежал с широко раскрытыми

глазами или понуро сидел на кухне. В конце концов Майя стала бояться, что муж, не выдержав горя, может совершить какой-нибудь дерзкий, необдуманый поступок.

В один из бесчисленно унылых дней Майя в поисках какой-нибудь памятной для Нюргуна вещички перебирала в ящиках шкафа. Из нечаянно выпавшего на пол миниатюрного туеска к ногам безучастно сидевшего на диване сына прикатилась старинная серебряная серьга работы якутского мастера. Парень осторожно поднял ее, положил на ладонь и, молча поглядев, заикаясь произнес:

– Ба-а-бушкина серьга...

Ошеломленная мать, замерев, дрожащим шепотом выдавила:

– Нюргун, ты что сказал?..

Сын, поглядев на нее, еще раз произнес:

– Ба-а-бушкина серьга...

Мать бросилась к сыну и, обхватив руками, безудержно плача стала целовать. А сын, до этого неизменно остававшийся равнодушным к ее ласкам, стал поглаживать ее волосы:

– Не-е плачь...

Мать посмотрела на сына глазами, полными слез и счастья. Некоторое время они сидели молча. Потом Нюргун раскрыл ладонь, посмотрел на серьгу и уверенным голосом произнес:

– Бабушкина серьга.

НА ДОРОГЕ

Яркое весеннее солнце больно светит в глаза. Белой, бесконечной простыней лежит снег на просторах аласа, отражая лучи солнца. Ничто не привлекает человеческого взора. Лишь местами на гладкой поверхности снега угадываются бугорочки и ямочки – следы тебеневки лошадей. На опушке сиротливо торчат жерди опустевших изгородей, стоги уже давно вывезены. Через призму насыщенного весеннего воздуха виднеется голубоватая дальняя опушка леса. А на душе так легко и радостно, что хочется встать на лыжи и скользить по просторам аласа.

По дороге, проходящей по правой стороне аласа, время от времени, натужно гудя, проезжают большегрузные машины, неслышно скользят легковые автомобили. Видно, что по обеим сторонам дороги снег уже заметно почернел.

Дорога. Сколько людей ежедневно проезжают по ней. И каждый, неотрывно глядя на нескончаемую дорогу, думает о чем-то своем. Но бывает и так, что попадаются счастливые путники, вмиг забывающие все жизненные невзгоды и неурядицы. В стареньком, но бойком «Москвиче» молодая пара везет своего первенца и вдохновенно спорит. Отец хочет назвать сына Иваном, в честь живущего далеко на севере друга, а мама настаивает на имени деда ребенка.

– Ты разве не видишь, вот носик, глаза, брови точь-в-точь как у деда, – молодая мама, чуть приоткрыв одеяло, показывает личико младенца.

Отец, чуть скосив на него глаза, вновь сосредотачивается на дороге. На его взгляд, в малосеньком красеньком личике ребенка невозможно уловить сходство с дедушкой, и даже определить, мальчик это или девочка.

– Ладно, посоветуемся дома. Но там наверняка найдутся советчики со своими версиями, – примирительно сказал он и включил магнитофон. Тут же салон автомобиля заполнил голос известного исполнителя:

Кто в нашем доме, как солнышко, встает
И весело щебечет, как птичка,
Кто смотрит распахнутыми глазами на мир
И умиляется им,
Скажите же, кто он, как его зовут?
Агу-агу-агу
Агутики-агу.

Мама, наклонившись к ребенку, стала тихонько подпевать певцу. Машина начался забираться на горку. Вдруг на вершине показался «Камаз» и, пренебрегая правилами движения, ринулся вниз. Когда эта устрашающая махина начала неумолимо накрывать их, молодой человек под звук душераздирающего вопля жены резко вывернул руль вправо и провалился в небытие...

От страшного удара «Москвич», переворачиваясь, покатился вниз и, вылетев в кювет, замер вверх дном. «Камаз», сделав замысловатые петли, все же сумел остановиться. Из кабины выскочил полупьяный водитель и, спотыкаясь, побежал к «Москвичу». Его блуждающий взгляд остановился на выброшенной из кабины окровавленной женщине, сжимающей обеими руками завернутое в одеяло тельце младенца. Водитель резко отшатнулся и, издав нечленораздельный крик, ринулся обратно. Тут же «Камаз», выпустив клуб черного дыма, съехал с трассы на проселочную дорогу и скрылся за деревьями.

А на месте происшествия все замерло. Только из опрокинувшейся машины продолжала звучать песня:

Кто в нашем доме, как солнышко, встает
И весело щебечет, как птичка?
Агу-агу-агу
Агутики-агу...

ТРЕВОГА

Время неумолимо. Вот уже весна вступает в свои права. Снежное одеяло, укутывавшее в долгую зимнюю пору матушку-землю, превратилось в многочисленные ручьи и ручейки. Природа оживилась. После затяжной зимы даже карканье только что прилетевшей вороны приятно ласкает слух. С каждым днем появляются все новые и новые звуки, влившись в неповторимую весеннюю симфонию. Но в этом великолепном природном оркестре как будто не хватает чего-то важного. Каждую весну мы видим пробуждение природы, слышим журчание ручьев, пение птиц, но в рутинной бесконечной суете не ощущаем его в полную силу.

Наконец-то выдался свободный денек, и я с ружьем за спиной вышел побродить по близлежащим аласам. С наслаждением вдыхая пьянящие запахи весны, слушая звуки пробуждающейся природы, я вдруг явственно понял: чего-то не хватает.

Вроде есть все: солнце, ручьи, запахи, подснежники, птички. Целый день бродил по аласам, но так и не смог найти причину своего беспокойства. Возвращаясь домой, стал напевать про себя все знакомые песни о весне и вдруг споткнулся о слово «жаворонок». Жаворонок... Точно. Не хватает пения жаворонка. Вот о чем истосковалась моя душа. В детстве над многочисленными аласами беспрестанно лилась трель этих прекрасных птиц. Названные в нашем народе златоголосыми, жаворонки зависали в воздухе и заводили нескончаемые песни.

А сейчас тишина. Неужели еще не прилетели? Нет, их не слышно даже летом. Однажды в газете я прочел, что химикат для кузнечиков также ядовит и для жаворонков. Неужели это правда? Или они отучились петь? Без химии не спасти от кузнечиков луга, но без трели жаворонков еще хуже.

И хотя я нашел причину своего беспокойства и, казалось, пора бы и успокоиться, во мне вновь зародилась тревожная мысль, что я, наверное, еще что-то упустил в этой весенней поре.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Человек за свою ничтожно короткую жизнь попадает в различные передрыги и опасные моменты. Из них победителями выходят лишь сильные духом, не теряющие самообладания в любой критической ситуации люди. Эти их качества вызывают у окружающих восхищение и служат примером для подражания. Сегодня я расскажу вам о двух таких людях.

Этот случай произошел в одном центральном районе Якутии. Затяжную золотую осень наконец сменила зима. Выпал снег, и зима дыхнула уже необратимым холодом. Земля, облачившись в белое одеяние, покорно смирилась со своей участью.

Из района выехал грузовик, груженный различным товаром для дальнего села. В кабине, помимо шофера, сидела недавняя роженица, благополучно выписанная из районного роддома. Грузовик резво ехал по свежевыпавшему снежку. Подъехали к большому озеру, где начиналась середина пути между райцентром и их селом. С озера ежегодно подледным неводом добывается большое количество рыбы. Если в летнее время озеро нужно было объезжать, то зимник шел напрямик по льду. Путники, выехав из опушки, увидели встречный грузовик, движущийся через озеро. Заметивший это шофер первой машины не стал сворачивать на разбитую летнюю дорогу, а также выехал на лед. Машины разминулись недалеко друг от друга. Вдруг под задними колесами первого грузовика провалился лед, и машина, встав на дыбы, стала безудержно проваливаться в образовавшуюся полынью. Мотор вмиг заглох, путники оказались в устрашающей тишине и темноте. Было лишь слышно, как из щелей, булькая, поступает вода.

В этот страшный момент шофер не потерял самообладания и сохранил трезвый рассудок. Может, этому способствовала мысль, что он должен прежде всего спасти только что увидевшего белый свет человечка и его мать. Он выхватил из-под сиденья тяжелый молоток и, обращаясь к женщине, убедительно и решительно сказал:

– Не торопись. Хорошенько заверни ребенка и передай мне. Я разобью стекло и вылезу первым. Ты держись за мою ногу.

Женщина, торопясь, плотно завернула младенца и передала мужчине.

– Приготовься! Пошли, – сказав это, шофер с маху разбил лобовое стекло. Сразу хлынула ледяная, вызывающая судорогу вода. Поспешно расширив брешь, попавшие в беду путники ринулись вверх. Когда они выплыли между льдинами, к польные уже подбегали люди из встречной машины.

По рассказам, после всего пережитого у младенца и матери даже насморка не было. А водитель, говорят, поседел.

* * *

Про второй случай я услышал от однополчанина, когда гостил у него. Как-то вечерком мы устроились на траве во дворе. По улице на велосипеде проехал крепко сбитый человек. Правая рука у него отсутствовала. Видя мой немой вопрос, друг рассказал эту историю.

Поздней осенью, когда снег еще не выпал, этот человек поехал на водовозке за женой в районный роддом. Так как он целый день возил воду в котельные и на ферму, в путь отправился поздним вечером, а возвращались уже глубокой ночью. Вдруг на свет фар выскочил и растерянно заметался заметно побелевший заяц. Мужчина вмиг нажал на тормоз и, остановившись, стал спешно вытаскивать из-за сиденья ружье, держа за ствол. Неожиданно раздался выстрел, и мужчина с оторванной рукой рухнул наземь. Обезумевшая от увиденного жена, беспрестанно вопя, бросилась прочь, держа младенца на руках. Муж, стиснув зубы от адской боли, собрал волю и, еле поднявшись, позвал испуганную жену обратно. Видя, что остановить кровотечение никак не получится, он решил самостоятельно ехать в больницу. С огромным трудом, усевшись за руль, он с помощью жены включил передачу и тронулся в бесконечный, адский путь. Стиснув зубы от боли, он ехал лишь с одной мыслью – ни в коем случае не потерять сознание. К счастью, до поселка было недалеко, и он благополучно довел машину до больницы. Водовозка, смяв забор, уткнулась в стену и, взревев в последний раз, заглохла. А за рулем сидел потерявший сознание раненный мужчина. Всю ночь врачи боролись за его жизнь и спасли от смерти.

У якутов есть поверье, что человек за день переживает сорок происшествий. Говорят, что некоторые люди ни в огне не горят, ни в воде не тонут. Неужели есть такие счастливики? Наверняка решающую роль здесь сыграют сильный дух и непоколебимая вера в собственные силы.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Северный короткий день, простояв недолго, вновь погружается в темноту. Полнолуние. На небе ярко и холодно блестят равнодушные ко всему звезды, напоминая рассыпанные на черной материи бриллианты.

На краю необъятной тундры, в маленькой ложине, где из-под снега едва-едва выглядывают хилые кустики и деревца, притаилась невзрачная охотничья избушка. Из трубы бойко вьется дымок, сообщая, что здесь теплится жизнь. В избушке жарко, неистово гудит раскаленная докрасна железная печурка. На столе горят несколько свечек, отбрасывая причудливые тени. На нарах лежит заметно осунувшийся крупный мужчина. Это Басылайкан, сын Сэмэннэ. Вчера, проверяя

ловушки для песцов, по местному «пасти», он почувствовал в боку страшную тупую боль и вот теперь слег. Человек, никогда не знавший, что такое болезнь, больничная палата, временами глубоко стонет. Похоже, это аппендицит. Нужно было сразу рвануть до поселка, да с такой болью в пути можно потерять сознание и окончательно пропасть. Может, боль еще отступит. У человека теплилась надежда, но внутри все горело огнем, и конца его мучениям не было видно. Из-за какой-то паршивой кишки, размером всего с большой палец, человек так запросто может загнуться. Обидно, оттого и горестно.

Басылайкан – прирожденный охотник, сколько себя помнит все время в тундре, на промысле. Для него свежевать одним ножом лося или оленя плевое дело. Помимо того он еще известен как искусный костоправ. Скольким людям помог при переломах. И вот теперь сам умирает.

До поселка далековато, можно добраться только с ночевкой. А его «Буран» ненадежен. Если даже предположить, что он доберется до дому, еще неизвестно, когда прибудет из райцентра самолет с хирургом. Потому как со связью в поселке плохо.

Если бы только чуток надрезать низ живота, вырезать эту чертову кишку, то он вновь бы обрел покой. А кто это сделает? Только он сам... Будет дико больно. Но так обидно отойти в мир иной. Надо бороться, цепляться за жизнь.

Приняв такое нелегкое решение, Басылайкан, изо всех сил преодолевая боль, с утра наготовил дров. Сейчас в широкой миске кипятит суровую нить, которой он латает сети. По его замыслу, он остро заточенным, раскаленным ножичком должен сделать надрез в районе боли. Потом, нащупав аппендикс, вырезать, завязать его конец и зашить рану суровой нитью. Лишь бы не потерять сознание...

Басылайкан достал из кипящей воды нить, продел в заранее закаленную на пламени свечи загнутую иголку, налил в кружку чистый спирт и, закрыв глаза, залпом опрокинул содержимое вовнутрь. Глубоко вдохнув и выдохнув, натер йодом низ живота. Пододвинул поближе свечи, полотенце, взял накаленный на печи ножик и крепко стиснул зубами черенок деревянной лопатки для перемешивания пищи...

За весь следующий короткий день ничто не нарушило окружающую зловещую тишину. А перед началом следующего утра, когда едва начало светать, из трубы избушки прямо к небу упрямо потянулась струйка дыма, гордо заявляя, что жизнь в избушке еще не угасла.

ТРИ МИНУТЫ

*Посвящаяю отцу и дядям –
участникам Великой Отечественной войны.*

Из низко висящих плотным покрывалом облаков, медленно кружа, как гусиные перья, падали крупные и мокрые снежинки. Впрочем, они тут же таяли, едва достигнув земли или коснувшись спин разгоряченных солдат.

Вдоль неширокой речки, извиляющейся с севера на юго-запад, солдаты остервенело роют окопы, и всюду видны их копошащиеся спины. Петр, вооружившись короткой саперной лопатой, тоже изо всех сил вгрызается в каменистую землю.

двигаясь с упорством человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. Наконец, почти выбиваясь из сил, он выкопал приличный окоп, который достигал ему до груди. Усталый, но довольный собой, он вытирал пот со лба, когда к нему подошел командир взвода лейтенант Воробьев:

– Молодец, Аргунов! Углуби еще немного и постели травки, – похвалил он и пошел дальше.

Петр, еще немного покопав, решил отдохнуть и присел на бруствер. И только тогда, основательно оглядевшись по сторонам, заметил, что несколько солдат, также завершив свою работу, сидят и довольно попыхивают папиросками. А некоторые, едва углубившись до колен, с завистью поглядывают в их сторону. Петр, когда впервые увидел таких неумелых людей, недоумевал: почему они не умеют копать яму и орудовать топором, странно.

А на западе непрерывной грозой шел глухой гул, временами усиливаясь и напоминая звуки шаманского бубна. И в этом неизвестном звуке была какая-то зловещая, страшная сила. А когда ночью совершали марш-бросок, было видно, как западная сторона горизонта озарялась огненными сполохами.

Чуть отдохнув, Петр с несколькими солдатами направился к берегу речки, чтобы нарвать травки для подстилки и маскировки поднятой земли. Подходя к реке, он заметил колонну солдат, направляющихся по мостику на западный берег. Среди них было много черноволосых, и Петр, отпросившись у командира, быстро побежал к колонне в тайной надежде встретить земляков.

Судя по тому, что подола шинелей и сапоги были сплошь заляпаны грязью, солдаты шли издалека. Вдруг Петр с отчаянной радостью заметил среди них брата Иннокентия! А рядом с ним еще одного земляка, работника соседнего колхоза, жителя деревни Мэндэрэ Уйбаана Колодезникова.

– Брат, Иннокентий! – Петр ринулся сквозь строй.

Земляки, услышав якутскую речь, встрепенулись. Молоденький русский паренек, шедший на краю колонны, воскликнул: «Вот тебе на! Что, земляков встретил, да?» Строгий командир колонны выделил на свидание ровно три минуты.

Иннокентий поприветствовал брата сдержанно, как будто они только вчера расстались, разъехавшись по разным сенокосным угодьям. Иннокентий по жизни был немногословным и сдержанным. Зато Уйбаан выразил бурную радость и даже чуть всплакнул.

– Ноко, есть курить? – спросил Иннокентий.

Петр, хоть сам и не курил, с собой всегда таскал выдаваемому каждому солдату махорку. Сунув в карман махорку, Иннокентий также без церемоний обратился:

– Ноко, а может деньги есть?

Брат, порывшись в кармане, достал десять рублей и протянул ему. Так, совсем не романтично и сухо, состоялась встреча двух родных братьев на передовой позиции великой войны. А Уйбаан, показав натянутые на руки вместо рукавиц носки и сияясь улыбнуться, дрожащим голосом промолвил:

– Ну вот, так и ходим...

Петр, стараясь разбавить разговор, взглянул на брата:

– Это куда же вас ведут?

– Говорили, на Ясную Поляну, – Иннокентий повернулся на звуки далекого гула и помолчал. – Ну, Уйбаан, пошли, – и поправил ремень винтовки.

– Ну, будьте! Всего хорошего! – Петр поочередно пожал им руки и провожал взглядом, пока они не влились в колонну. Если Уйбаан несколько раз оглядывался на ходу, то Иннокентий догонял колонну решительно и даже ни разу не повел головой.

Петр, все еще следя за колонной идущей прямо на звуки далекой канонады, подивился силе духа брата. А дрожащий голос и тоскливые глаза Уйбаана надолго остались в его памяти.

Он тогда не мог знать, что скоро его тяжело раненный брат чуть не попадет в плен к немцам вблизи усадьбы великого русского писателя Льва Толстого. А Уйбаан Колодезников в том же бою погибнет на поле сражения. И сам он через год получит тяжелейшее ранение и вернется домой с орденом Славы третьей степени. Еще через полгода, неуклюже прихрамывая на правую ногу, на родину возвратится брат Иннокентий с орденом Отечественной войны второй степени. А их младший брат Коля, также надев шинель солдата, будет служить на восточной границе и примет участие в разгроме Квантунской армии.

Так три родных брата с честью прошли через горнило страшной войны, унесшей жизни миллионов людей. А в том, что они останутся живы, Петр почему-то был уверен после той трехминутной встречи с братом на передовой в 1941 году.

Перевёл Геннадий Бечеряков.

Данил Николаевич Макеев – прозаик, переводчик. Заслуженный журналист РС (Я), отличник печати РС (Я), награжден знаком «Гражданская доблесть» РС (Я). Родился в 1964 году в Баянтайском наслеге Усть-Алданского улуса. Окончил филологический факультет Якутского государственного университета. Работал корректором и корреспондентом республиканской газеты «Кыым», учителем якутского языка и литературы Тит-Арынской школы Усть-Алданского улуса, заместителем директора по воспитательной работе в с. Кюлят Вилуйского улуса, заместителем главного редактора газеты «Муру саһарбата», начальником отдела по работе СМИ и кинематографии в администрации родного улуса, заместителем главного редактора республиканской газеты «Вся Республика – Республика бүтүүнэ», редактором приложении «Эдэр саас» и заведующим отдела писем республиканской газеты «Саха сирэ». В настоящее время заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Чолбон».

Член Союза писателей России. Член правления Союза писателей Якутии. Автор пяти сборников рассказов и повестей. Перевёл рассказы Ивана Бунина, детскую повесть «Еня и Еля» Анны Гончаровой для детей, повесть «Жажда» Андрея Геласимова, рассказы кыргызских и татарских писателей.

